

в присутствии больного. Положение болезни неопределенно, больной же требует разрешения вопроса. Устанавливается общее мнение, что необходима операция для успешного закончения болезни, а один из консультантов определенно высказывается против операции и пророчит долгую и неопределенную болезнь в дальнейшем, взамен риска оперирования. Последним консультантом в болезни казачьей и является г. Ниминов. Можно догадаться, как примет больной его совет. Много было обращено внимания на освободительный процесс освобожденных государств и нигде мы не находим, именно, такой последовательной рассчетливости „без операции“. Если процессы тянулись у них сотни лет в ожидании соответствующей конъюнктуры, то это не говорят, что казаки начали это движение 3 года тому назад, как это выходит по выводам г. Ниминова. На протяжении истории освобождения, допустим, Польши мы встречаемся все время со вспышками „безумия“, с

явной нерасчетливостью борющихся против Васильчиков и нет ни одного такого момента в борьбе, когда достижение известной цели являлось продуктом заранее глубокопродуманной мысли. А разве такие восстания не становятся блестящую страничку в истории народа? Восстание Булавина не было тоже рассчетливым, а не составляет ли оно для нас бесценный исторический клад? Природа освободительного движения базируется на уверенности в справедливости своего дела и нет никакого основания погружаться в философские рассуждения, что нас ждет впереди и, именно, ждать неизвестного. Моральное право наказывает оставить за собой на эмиграции исторический момент пробы объединения для общей борьбы. Нам нужны люди с сильной волей, твердой уверенности, а это дается только после достигнутого нами с'езда.

Вл. Еремеев.

1 мая 1931 г. Польша.

Казачий разговор.

Есть масса двуногих и четвероногих существ, которые существуют только для того, чтобы существовать.

Шопенгауэр.

После одного казачьего собрания я с верхнего этажа спустился вниз, в бистро. За двумя столиками сидят казаки, бывшие на собрании. Слышно „гарсон, кафе-крем“, „гарсон, де-бало“. Кто-то замечает: с каких это пор казаки стали постниками! Подхожу, присаживаюсь. Два казака-офицера, донец и кубанец, полчаса тому назад ожесточенно спорившие на собрании, оживленно, но совершенно мирно, по казачьему откровенно беседуют на самостийную тему, а остальные внимательно их слушают.

Донец, Андрей Петрович — самостийник; кубанец, Сергей Карпович — „несамостийник“.

— Ну, что вы, Сергей Карпович, так артачились на собрании, — говорит Андрей Петрович. Ведь мы, самостийники, говорим о казачьей боли, о страданиях казака, о правах и жизненных интересах Казачества, о лучших путях его спасения. А я знаю, что и вы казак душой и телом, так же, как и мы, страдаете за несчастную долю казачества...

— Верно, что все мы казаки, — отвечает Сергей Карпович, — все мы страдаем за судьбу Каз-ва, но с вами, самостийниками, я не согласен...

— Ну, хорошо. Вы — несогласны с нами, но вы желаете лучшего будущего Казачеству, желаете ему счастья, свободы, воли. Так вот, скажите — каким образом, какими путями, идя с кем вы думаете достигнуть это лучшее будущее? Мы, самостийники, говорим определенно: лучшее будущее возможно только при самостоятельном существовании Казачества, а вы с нами не соглашаетесь и думаете найти лучшее будущее в составе когда то долженствующей прийти „Великой России“. Каким это образом, по вашему, может случиться, если все русские политические партии, течения собираются укокошить казаков, Казачество? Ведь никто из них не признает за Казачеством права быть хозяином на своей земле!

— Нам и не нужно их признания, мы должны взять свое право сами...

— Вот тебе на! Значит, за естественное казачье право быть хозяином на своей земле вы готовы бороться и с оружием в руках, даже и против Москвы? Ведь то же самое говорим и мы, самостийники. Так зачем же вы восстаете против нас?

— Восстаю против вас я потому, что на вашей резкой самостийной позиции нельзя объединить всех казаков, а нам, чтобы взять и укрепить свое казачье право, надо действовать объединенно, единым фронтом. Только при полном единстве всех казаков еще можно надеяться добиться казачьей свободы, вольности...

— Так, значит, по вашему, мы — „резкие самостийники“ а вы — „не резкий самостийник“. Только в этом

и разница? Стоило ли тогда так восставать против нас, ломать копыта?

— Нет, не только в этом разница, но и в другом, в основном. Если хотите я в известном смысле самостийник, самостийник с точки зрения больного русского понимания казачьих „прав“. Я казак и за казачьи права, как я их понимаю, готов жизнь свою отдать, но я не с вами. Вы добиваетесь полной самостоятельности, а я этого не хочу. А знаете, почему? Во-первых — совершенно самостоятельная жизнь была бы трудна; во-вторых, как я уже сказал, на вашей позиции нельзя объединить всех казаков, а в третьих — вы раскрываете преждевременно карты нашим противникам, т. е. русским...

— Неужели вы собираетесь составлять единый фронт и с „кирилловцами“?

— Нет, они не в счет, ибо они уже не казаки, это отрезанный кусок. С ними кашу не сварить... Если исключить „кирилловцев“, то все остальные казаки самостийники. В Казачьем Клубе все ваши противники, там только один ваш человек. Этот ваш сторонник однажды был поражен, услышав от своих противников чисто самостийные заявления. После одного заседания Совета Старшин шла частная беседа. Разговор зашел, как обычно, о самостийниках. Между прочим, куда теперь ни пойдешь, везде и всюду говорят о вас, о вашем течении. Так что вы теперь модные люди... В Клубе этом есть один ваш отчаянный, противник, припистой терский казак, родом грек. Он стал поносить вольных казаков. Кто-то с ним полусогласился, сказав, что они, вольные казаки, немного раньше подняли вопрос о казачьих правах, с этих вопросом. мол, надо было еще потерпеть чтобы не раскрывать преждевременно карты своим противникам...

— Не вы ли это были? Вы же только что говорили об этих самых картах?

— Нет, не я... Есть там, в Клубе, один старичек, противник вольных казаков. Так знаете, что он ответил на это полусуждение вольных казаков? Он с таким остервенением крикнул на этого „полусоглашателя“: До каких же это пор мы будем молчать! До каких же это пор мы будем выносить поношения, издевательства русских?!

К этому старику присоединился третий, говоря, что вольные казаки по существу правы, но только они своим слишком боевым тоном, молодым задором, чрезмерной идеализацией казачьей старины немного отталкивают нас, людей старого поколения, воспитанных на русской культуре, психологически уже отдалившись от старого Вольного Казачества и приблизившихся к Москве, принявших ее толкование природы и сущности казаков. Двести лет нам толковали, что мы, казаки, „плоть от плоти, кровь от крови“ русские и мы, люди старого поколения, это московское толкование уже настолько восприняли, что теперь нам чрезвычайно трудно психологически избавиться от этого воспитания. А казачья

масса, нетронутая специфическим московским воспитанием, еще крепка, в ее душе еще крепко сидит естественная любовь к казачьей волиности. Вот почему семья, брошенное Вольным Казачеством, группой казачьей интеллигенции, уже осознавшей свою казачью особенность, попало на хорошую, готовую почву, дало обильные ростки и казачья масса пошла мимо нас... Вот как рассуждает каждый честный казак, даже ваш противник...

— Все это хорошо, мы это знали и так, но вот что совершенно непонятно: почему они, „люди старого поколения“, так хорошо сознавая настроение и стремление казачьей массы, „восстают“ против В. К.? Ведь это же значит, что они сознательно идут против казаков, хотят им навязать свое извращенное понимание казачьих интересов, насильно повести казаков по тому пути, по которому сами казаки идти не желают?..

— Тут, конечно, причин много. Такие люди, как я, например, „восстают“ против вас потому, что считают ваше дело неосуществимым. Но много таких людей, которые „восстают“ против вас только на людях, а у себя дома целиком вас одобряют. Этого требует „приличие“... Много и таких, которые сидят молча, гадая — кто победит, которые к вам будут забегать с заднего крыльца, но свою прикосновенность к вам будут всячески скрывать. Но есть и такие, которые, в качестве „вождей“, хотят только управлять казаками, а не подделываться под их настроение...

— Ну, брат, этот номер не пройдет. Казаки уже не дурачки, которых можно вести за нос, как „Мишку“. Кроме того у самих этих „вождей“ нет никаких путей. В этом я вполне убедился, когда однажды долго и откровенно беседовал с нашим Атаманом. Я его спрашивал о возможных путях спасения погибающего Казачества. У него таковых не оказалось, кроме неопределенных рассуждений о служении России, о спасении ее. При этом выяснилось, что у него нет определенного пути и для спасения России. Оказалось, что он ставит свечки почти всем русским „богам“, начиная от Милюкова: чья, мол, возьмет! Исчерпав свой несложный запас аргументации в пользу „Великой России“, он поспешил перейти на свою „любимую“ тему: на поношение В. К. (Очевидно, если бы не было В. К., то у него не о чем было бы говорить с казаками). И тут на одного путного, членораздельного возражения против вольных казаков привести не сумел. Наконец, он выпалил свою „страшную бомбу“: вольные казаки, де, получают от иностранцев 30 тыс. крон. Это, мол, преступление. Этим он, вероятно, хотел „убить“ меня. Я ему ответил: получают или нет вольные казаки от иностранцев деньги — не знаю. Но раз серьезный и единственный казачий журнал аккуратно, как заведенная машина, издается, то надо полагать, что на его издание имеются какие то средства. Мы, казаки, можем быть только благодарны тем, которые нашли средства и проделали большое казачье дело. Но вот я никак не могу понять, почему вы собираетесь судить тех, кто из ничего создают серьезное казачье дело, находят на это средства? Странно, что собираетесь судить именно вы, люди казачьи средства расточившие, ничего для них не сделавшие и ничего на пользу казаков во вне не находящие! Если, как вы говорите, иностранцы дали на казачье дело неизвестным людям 30 тыс. крон, а на дело „Великой России“ не дали и ломанного гроша, то не подсказывает ли это вам тот путь, на который вы, по долгу казачьего избранника, ответственного за казачьи страдания, обязаны стать. Давшие неизвестным людям 30 тыс., дали бы вам, формальной главе старейшего Войска, три миллиона. А разве от этого было бы плохо казакам? Вашу ложно-гордую позу я для себя объясняю так: для того, чтобы иметь возможность мечтать о нереальной „Великой России“, вы приносите в жертву реальных казаков, родное Казачество, сознательно отказываясь от возможности облегчить тяжкие страдания казаков, в изгнании сущих...

После моей такой тирады, атаман выпучил глаза. Дело в том, что он до сего времени относился ко мне очень хорошо, принимая меня за верного своего сторонника и совершенно не ожидал с моей стороны такого „пассажа“. А меня взбесила его беспомощность, политическая беспутница, блуждание между двух сосен

с одной стороны, а с другой — его несправедливое, недоброе, очевидно, рожденное из зависти, желание оклеветать, „смазать“ тех, кто сейчас единственно делают большое и важное казачье дело, доставляя казакам большую духовную пищу, в виде журнала „ВК“, пробуждая и укрепляя угасавшее, было, казачье сознание...

Окружавшие и внимательно слушавшие Андрея Петровича казаки выражают ему свое удовольствие за правильное казачье слово.

— Что у вас было с атаманом меня не касается. Это дело Ваше, Донцов, мы, Кубанцы не вмешиваемся. Я вам здесь высказывал только свои мысли, свое понимание казачьих прав, интересов и тот путь, который, по моему, легче и скорее может привести нас к желанной для всех нас цели: равноправный со всеми другими народами Казачий Штат в Российской Федерации. Во имя этой основной цели — объединение всех живых сил Казачества; борьба единым казачьим фронтом за это свое право, а если Москва заартачится, то и вооруженная борьба, — говорит Сергей Карпович.

— Позиция, как будто довольно определенная, но не совсем. Во всяком случае с такими федералистами еще можно по человечески разговаривать. В том, что вы сказали, много неясностей, можно сказать, из вашего дела ничего не выйдет. У вас политическая тактика такая, что она неизбежно приведет к тому печальному опыту, что мы проделали в 1918-20 гг.: к разгону казачьих верховных представительных органов, к преданию суду, к повешению народных представителей новыми русскими антибольшевистскими силами, новыми „вождями“. Вы говорите — федерация с Россией. Этим самым вы становитесь спиной ко всем тем народам, которые борются за свою независимость и остаетесь лицом к лицу с Москвой, один на один. Совершенно естественно, когда вы пожелаете защищать казачьи права с оружием в руках, то у нас не будет никакого союзника...

Мы же говорим — самостоятельное казачье государство. Наша тактика — единство Казачества, а затем — единый фронт с соседними народами. А когда мы добьемся своей цели: освободим родное нам Казачество, укрепим его самостоятельное государственное бытие, тогда мы смело, без всякого опасения, что какойнибудь новый барин сядет на казачью шею, можем говорить с кем угодно о федерации, конфедерации: славянская федерация, европейское объединение и т. д.

— Больно высоко хватили, — смеется Сергей Карпович. Мы федералисты в пределах б. Российской Империи. Дальше пока не заглядываем. По нашему, это достижимо.

— Вы — псевдо-федералисты. Вы хотите „жалованной“ федерации от России...

— Конечно, было бы хорошо, если бы все так случилось, как вы думаете: ни от кого независимое, свободное, вольное Казачество, живущее на равных правах со всеми другими народами, ставшее действительным хозяином на своей Земле; но, к несчастью ваша цель неосуществима. По крайней мере я не могу поверить этому, ибо слишком много врагов на этом пути...

— В том числе и вы и вам подобные...

— Я не могу идти с вами, даже буду „бороться“ против вас, но... как я был бы рад и счастлив, если бы ваше желание осуществилось...

— В этом как раз наше, казаков, несчастье, что люди подобные вам, в душе желая осуществления программы В. К., на людях борются против него. Но, несмотря на вашу отчаянную „борьбу“, В. К. уже успело за то короткое время, что существует, сделать большое и казачье дело...

— В чем это выразилось? Я ничего не вижу...

— А что же вы хотите, чтобы это дело стояло перед вашими глазами, как Триумфальная Арка? Дело В. К. невидимое, но постоянно расширяющееся дело. Вы понимаете глубокий смысл того, что теперь чтение журнала „ВК“ для казаков сделалось такою же необходимостью, как, скажем, в известное время дня каждый из нас имеет потребность пообедать? 12-го и 27-го числа каждого месяца, когда получается очередной

номер журнала, для всех нас является днем „парадного обеда“. Если же по какому либо поводу журнал опоздает на один день, то не знаешь, что делать, не находишь себе места...

— Если это считать делом, то это верно. Я с вами совершенно согласен. Даже я ваш противник, с большим нетерпением жду полочки очередного номера журнала. Чтение его сделалось для меня как бы потребностью.

— Это то как раз и есть большое и важное дело, проделанное уже Вольным Казачеством: сделать чтение политического казачьего журнала необходимой, шей потребностью каждого казака. Пробудить и укрепить казачье политическое сознание! Это есть разум-

ное и обильное удобрение почвы, на которой со временем произростут обильные плоды, заключил свою беседу Андрей Петрович.

Сергей Карпович, не соглашаясь с политической программой В. К., все же вынужден был, с некоторым сожалением, признать, что В. К. является в казачьей эмиграции единственным серьезным политическим движением, имеющим ясное и определенное лицо, встречающим огромный сочувствие среди казачьей мавсы, находящим живой отклик, а журнал „ВК“ — единственный журнал, дающий большой и обильный материал из казачьей жизни, так правильно уловивший сокровенные думы казака и так созвучно поющий в унисон с его душой...

Шамба Балинов.

Казачья эмиграция.

В Париже.

3 мая в помещении ресторана „Марсель (Billancourt)“ состоялся сбор Донской станицы в Париже. Многолюдный Сбор прошел с большим оживлением, подъемом. На повестке дня стояли два вопроса: 1) выборы нового Атамана, вместо отказавшегося Лысенкова, который по роду своей новой профессии (таксист) не в состоянии в дальнейшем выполнять обязанности атамана и 2) обсуждение вопроса о постройке „Казачьего Дома“.

По первому вопросу единогласно был избран Атаманом станицы А. Н. Трофимов, б. член Донского Круга, офицер Донской Армии, потерявший в войне один глаз. Затем вновь избранный Атаман, поблагодарив сбор за доверие, сделал большой обстоятельный доклад по второму вопросу повестки дня.

По мнению докладчика, все существующие казачьи организации — станицы и хутора мало проявляют полезной деятельности, чем объясняется и малый интерес казаков к такого рода организациям. Они скоро рождаются, столь же скоро умирают, а какие существуют, то большей частью только на бумаге. Пример — „Казачий Союз“ Н. М. Мельникова, который всюду похваляется своими, кажется, 180-ю станицами. Это, ведь, больше чем вся Донская Область! А жизни, полезной деятельности, реального дела никакого! Объясняется это просто — все эти станицы большей частью существуют только на бумаге, в большинстве случаев для того только, чтобы в нужный момент вынести верноподданнические постановления тому же самому Мельникову, или же в год раз, в день какогонибудь праздника, устроить вечеринку. Этим объясняется и то, что никто из членов существующих организаций почти не интересуется жизнью своей организации, потому что нет ни одной организации, построенной на принципе материальной заинтересованности своих членов.

И наша станица, если мы не сумеем создать какоенибудь реальное дело, которое может живо заинтересовать членов станицы, будет влечь такое же жалкое, бумажное существование, как и многие другие; также успешно, через некоторое время, умрет, как многие станицы, в эмиграции возникшие, уже поумерли. Поэтому работа нашей станицы должна протекать в двух направлениях: 1) чтение докладов и лекций по казачьим вопросам, чтобы познать самих себя: кто мы, казаки, и что мы. На самом ли деле мы — беглые преступники, как нас выдают другие, или чтонибудь другое? и 2) попытаться создать какоенибудь реальное дело, в котором все члены станицы были бы материально заинтересованы, когда все они будут внимательно следить за жизнью своей организации, будут всячески помогать. Без такого постоянного интереса и помощи всех — никакая организация не может существовать и что либо делать. Например, попытаться построить „Казачий Дом“, не дом дешевых квартир только для своих членов, но обыкновенный большой дом отельного типа, на доходы с которого мы затем могли бы хоть немного облегчить жизнь наших стариков, инвалидов, путем приобретения неболь-

ших участков земли, разведением на них своего собственного хозяйства. Когда жизнь нашей организации наладится, то можно попытаться организовать свой ресторан — дешевую столовую, продуктовую лавочку, ночлежку и прочее. Но все это потом, когда мы достигнем самого главного, когда будем иметь свой Дом, управление которым проще, проверка финансовой части дела доступна, легче.

На первый взгляд такая мысль покажется дерзкой, проэкт — фантастичным. Но если приглядеться лучше, если хорошенько продумать этот вопрос, то он не так уж страшен, как кажется на первый взгляд. Нужна только одна маленькая штука: добрая воля казаков и взаимное доверие, а все остальное легко осуществимо. Горько и больно сознавать, что имея большие возможности, доступный способ хоть кое как обеспечить более или менее человеческое существование на случай старости, инвалидности, казаки до сего времени не прониклись доброй волей и взаимным доверием и ничего до сего времени не создали.

Большое преступление совершат перед самим собою те, которые подумают и скажут: я — молод, ни в чем не нуждаюсь и ничего мне не надо. Никто из нас не гарантирован, что каждый из нас завтра может стать инвалидом и очутиться под забором. Не дай Бог этому случиться, но любой из нас может утром пойти на завод здоровым, а через час вернуться полным инвалидом. Несчастье может случиться с каждым из нас. Куда тогда пойдем? К нашему стыду и несчастью, сейчас нет ни одной организации, где казак мог бы рассчитывать на помощь и человеческое к себе отношение. Наши „водители“ ничего не сделали и не сделают. Надо хоть казакам самим подумать о своем будущем. Десять лет тому назад все мы были молоды, здоровы, но теперь у многих из нас начинают то бок болеть, то спина. Раньше заводы принимали на работу всех, а теперь говорят, что старше 40 лет нам не нужны, а там могут сказать — подавай нам не старше 30-ти лет. Куда тогда пойдем и на что можем рассчитывать? Мост Александра III, а там тигюлевка? И вот перед такой страшной перспективой каждый из нас не может не призадуматься сильно над тем, что его ожидает в будущем. А когда призадуматься, то невольно в голову приходит мысль о самоорганизации, взаимопомощи. Такая возможная тяжелая будущность должна породить в нас добрую волю и взаимное доверие, а когда эта добрая воля и взаимное доверие будет в нашей организации, тогда мы можем сделать большое дело, в частности сумеем построить и „Казачий Дом“.

Большой доходный дом отельного типа, скажем, стоит 500 тысяч франков. Страшная ли эта штука? По моему, нет! Нас, казаков, здесь, в Париже, тысячи. Пусть среди них найдется хотя бы 200 человек, которые воспримут нашу идею и пожелают ее осуществить. Тогда дело сделано. Двести человек, одушевленных одной идеей, толкаемые доброй волей, проникнутые взаимным доверием, готовые во имя своего же личного будущего нести некоторую материальную жертву, пока он силен, здоров и может зарабатывать, могут достигнуть мно-